

Кожин Андрей Александрович

В 1978 году с отличием окончил историко-филологический факультет Университета дружбы народов им. П. Лумумбы.

Доктор филологических наук, профессор.

Государственный стипендиат 2020 года в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России» (по представлению СЛ РФ).

Автор 78 опубликованных трудов общим объёмом свыше 110 печ. листов.

Более половины научных и научно-методических работ (монографий, учебных пособий и научных статей) посвящены вопросам языка и стиля художественных произведений.

О языковом мастерстве И.А. Крылова повествует учебное пособие «И.А. Крылов. Басни», которое знакомит иностранного читателя с образным и метким басенным словом, восходящим к разговорной речи русского народа, его пословицам и поговоркам.

Речевые средства юмора и сатиры Н.В. Гоголя, характеристика своеобразия манеры художественного изложения великого русского писателя представлены в учебном пособии «Язык Н.В. Гоголя».

Книга «Практический курс истории языка русской литературы», являющаяся составной частью серии учебных пособий по истории языка русской литературы с древнейших времен до наших дней, содержит теоретические сведения об особенностях функционирования литературного языка различных эпох, а также фрагменты художественных текстов для практических занятий.

В монографии «Экспрессивный потенциал имени в текстах художественной прозы второй половины XIX века» охарактеризованы особенности лексико-стилистической системы, а также эстетические ресурсы слова в текстах художественной прозы этого периода.

Частные вопросы стилистики художественного текста представлены в целом

ряде научных статей, опубликованных в центральных рецензируемых журналах: «Вестник литературного института им. А.М. Горького», «Вопросы филологии», «Вопросы языкознания», «Русская речь», «Русский язык за рубежом», «Филологические науки», «Функциональная лингвистика».

Один из постоянных авторов международного литературного журнала «Новые Витражи», в котором опубликованы повести «Дом напротив мечети», «Сообщаю, что я жив и здоров», а также рассказы «Поговорим по душам», «Огненные ангелы», «Чёрная шляпа и др. В этих прозаических произведениях отражены актуальные в наши дни морально-этические проблемы, анализируются различные взгляды на современные отношения общества и церкви, акцентируется внимание читателя на таких понятиях, как милосердие, великодушие и сострадание.

ПОГОВОРИМ ПО ДУШАМ

Как-то вечером, когда я подбирал иллюстративный материал перед очередной лекцией для студентов филфака, на глаза мне попала небольшая газетная статейка под заголовком «Если на вас напали собаки». В то время мы изучали особенности языка публицистики, а в статье было много лингвистически ценного, не говоря уже о самом содержании. Я решил прихватить газету на лекцию и, изложив теоретическую часть, перешёл к анализу статьи.

Так, при встрече с агрессивно настроенной стаей собак автор рекомендовал вычислить вожака и ударить его в глаз зонтиком или углом портфеля.

— А если вы без зонта и портфеля, что тогда? — смеялись студенты, — да и тренироваться надо, а то сам без глаза останешься.

Веселья добавила фраза автора «после этого вожак обычно убегает, уводя с собой половину стаи».

— А что делать с оставшейся половиной? — не унимались студенты, — вычислять заместителя вожака? Он опять уведёт половину, а четверть всё равно останется.

Сомнительной показалась итоговая рекомендация: если ничто не помогло, то надо встать спиной к дереву и звать на помощь.

— Вот с этого и надо было начинать, — хором сказали студенты и добавили, что в наше время иной прохожий попросту смотается от греха подальше.

Смех смехом, но однажды мне самому довелось оказаться в похожей ситуации. В середине ноября я заехал на дачу, чтобы перекрыть на зиму воду в колодце и вставить в окна вторые рамы. Прodelал я всё быстро, время до отъезда ещё оставалось, и мне почему-то захотелось пойти погулять в лес. Дошёл до края нашего посёлка и свернул на грунтовую дорогу, которая плавно спускалась к ещё не замёрзшему ручью, по обеим сторонам которого стояли небольшие домики садового товарищества, со всех сторон окружённые хвойным лесом.

Дорога, на которую я вышел, была мне знакома с юношеских лет. Её немного расширили, присыпали щебнем и теперь по ней можно было смело идти даже в дождь, не опасаясь испачкать обувь глиной. Почти в самом начале дороги стоят четыре дуба, за которыми мы с друзьями прятались, чтобы тайком от родителей курнуть по паре сигарет. За прошедшие с тех пор пятьдесят лет деревья выросли и изменились, вырос и заметно поредел лес, казавшийся в детстве непроходимой чащей.

Приятные воспоминания были прерваны негромким рычанием. На середине дороги метрах в двадцати от меня появилась мрачного вида дворняга размером с крупную овчарку. Позёвывая, к ней подтянулись ещё четыре собаки. Они, скорее всего, надеялись на то, что в этот холодный ноябрьский день приедет кто-нибудь из садоводов и угостит хоть куском хлеба. Но все хозяйственные дела люди завершили уже в октябре и перебрались в Москву. Собаки по привычке ещё какое-то время потолкались среди опустевших участков, но потом решили, что вернее всего будет ждать помощи у ворот, к которым и вела дорога.

Для собак я был человеком новым, а потому вызывал оправданное подозрение. Как поступить в такой ситуации?

Вариантов было немного. Первый, самый распространённый, — сделав вид, что поднимаешь с дороги камень, замахнуться рукой и громко на собак крикнуть. Но их пять, все они голодные и, стало быть, злые. Чем такой жест может закончиться — одному богу известно.

Второй вариант — побежать назад. Но он тоже не подходит: расстояние до нашего посёлка — метров триста, и бежать придётся в гору. Ну, обгону я собак, а дальше? Упрусь в бетонную ограду водозаборной станции, и штатный хвостатый охранник, поджидающий каждого, кто идёт мимо, просунув под железные ворота злющую морду, начнёт по-собачьи непечатно выражаться. И не только не поможет, а ещё больше раззадорит моих преследователей.

Оставался третий и самый рискованный вариант — пойти на собак. Я так и сделал: продолжил спуск по дороге, но при этом, глядя на псов, завёл с ними душевный разговор.

— Что, одни остались, все уехали, а про вас забыли, — спокойным голосом начал я беседу, — играли с вами, кормили вас, но пришла осень, и жизнь, сытая и весёлая, закончилась. Нечего вам здесь делать: если кто и приедет, то только в выходные, да и на пару часов — не больше. Мой вам совет: поднимайтесь в посёлок и направляйтесь к торговому центру. А всего лучше — к маленькому рынку, что

рядом с ним. Народ там сердобольный: сами не доедят, а с собакой поделятся.

Я ещё что-то говорил и подходил к собакам всё ближе и ближе. Мрачного вида дворняга вдруг завилала хвостом, прыгнула в мою сторону и, встав на задние лапы, положила передние мне на грудь. А уж когда, продолжая беседу, я стал чесать её за ухом, не выдержали и другие члены собачьего коллектива. Пришлось погладить каждого, сказать хоть пару ласковых слов. Стая внимательно и с пониманием выслушала мои извинения за то, что пришёл с пустыми руками.

Идти дальше к ручью уже не имело смысла: эти вроде бы признали, но могут появиться и другие псы. Все вместе пошли обратно — в гору. Я клятвенно пообещал собакам, что через пару дней обязательно их навещу, прихватив с собой что-нибудь мясное. Из-под ворот водозаборной станции на мгновение высунулась всё та же злющая собачья морда, но, увидев своих собратьев, скандалить не отважилась.

Слово, данное собакам, я сдержал. Дня через три снова приехал и пошёл искать голодных бродяг. Собаки, казалось, прислушались к моему совету: лежали теперь не у ворот садового товарищества, а у самого начала дороги. И, конечно же, меня запомнили. Стая мгновенно вскочила, и, виляя хвостами, занялась уничтожением содержимого пластиковых пакетов, которое моя мама лично собирала, говоря: «Всё-то Иван Петрович Павлов сводил к рефлексам — условным и безусловным. А собаки думают, у каждой свои планы и мечты, и вообще, каждая хвостатая тварь — это личность. Соседский Мишка — тому подтверждение».

Она вспомнила любопытную историю, главным героем которой был старый пёс по кличке Мишка. Хотя у Михаила имелись хозяева и персональная конура, дачники его подкармливали, не надеясь на щедрость регулярно пьющих владельцев собаки, фамилия которых была Ивановы. Мишка — весьма распространённая собачья кличка, вот почему для уточнения объекта продовольственного вспомоществования мы обычно говорили *Мишка Иванов*.

Меня всегда удивляло стремление местных жителей давать своим питомцам звучные имена. Вот, например, сопровождает свою хозяйку пёс по кличке Вулкан. Размером он со среднюю таксу, но с крупной, как у овчарки, головой и непомерно длинными ушами, благодаря которым удостоился прозвища «Вулкан — ослиные уши».

А вот бредёт навстречу пёстрая облезлая дворняга, и зовут её, оказывается, Маркиз. Направляется он к своему другу — серой дворняге по кличке Лорд, чтобы вместе с ним, прижавшись мордой к садовой калитке, полюбоваться собачьей красоткой Сильвой.

Живущая в доме напротив, страшно завидует успеху Сильвы такая же неказистая собака по кличке Венерка.

— Да, ни дать ни взять, Венера Урбинская, — съязвил как-то мой отец, — с картины Тициана спрыгнула и хвостом завилала.

Мы прекрасно понимали, что хозяин Венерки не мог назвать собаку Жучкой или другим простым именем, поскольку о себе самом был непомерно высокого

мнения. По праздникам слегка «подогретый» Василий выходил к пруду и, обращаясь к рыболовам, среди которых было много дачников, хрипловато вопрошал:

— Чо рылы от меня воротите? Я Красную площадь апосля войны булыжником мостил — вот какой я, Васья!

— Да знаем мы, что ты за гусь, — отвечал за всех местный дебошир Семён Красноштанов, — не ори, рыбу распугаешь.

Венерка жалась к ногам Василия и старалась не смотреть на любителей рыбной ловли: ей было страшно стыдно за своего хозяина.

Но вернёмся к нашему Мишке. Глава семейства Ивановых — Лёнька — своим четвероногим другом не занимался, а часами торчал у пристанционной пивной палатки. Мишку на цепь не сажали, и он шлялся по всему посёлку. Был Мишка чёрным, лохматым, с широкой спиной и рыжеватыми лапами. Закруглённые черты крупной светло-серой морды делали её очень похожей на валенок.

Купил я однажды в Истринском продмаге десяток котлет. Когда настал час приготовления обеда, мама понюхала котлеты и сказала, что они не первой свежести, вот почему их лучше не жарить, а обработать на пару. Однако обработка паром, по мнению хозяйки, ничего не дала, и все выбрали единственно правильный вариант: отдать котлеты Мишке. Продукт, так и не поддавшийся термическому воздействию, был помещён в синюю эмалированную кастрюлю и доставлен непосредственно на территорию Ивановых.

Мишка, спавший рядом с конурой, по выражению отца, «как после тяжёлой физической работы», мгновенно вскочил и уставился на кастрюлю. Мама вынимала котлеты и бросала псу, который с исключительным изяществом ловил их на лету и, не жуя, проглатывал. Поблагодарив кормивших вилянием хвоста, Михаил завалился на бок и продолжил отдых после тяжелой физической работы.

— Ну вот, — сказала моя мама, — хорошей собачке — хороший обед.

Всем Михаил Иванов был хорош, кроме одного: уж очень нравилось ему пение в лунные ночи. Перед тем, как начать сольный номер, Мишка долго прокашливался, пробовал голос и только потом приступал к арии. Выл он громко и очень долго, зная, что окрестные собаки, услышав голос маэстро, прекратят хаотичную ночную брехню и замолкнут, наслаждаясь пением профессионала. Началось сольное выступление после часа ночи и продолжалось с кратковременными перерывами до трёх. Сну дачников, оставлявших на ночь окна открытыми, собачий вой не способствовал.

Однажды после ужина моя мама грустно заметила:

— Ну всё, мне ханá. Мишка начал кашлять и пробовать голос.

Спала она на втором этаже, что позволяло собачьим песням почти беспрепятственно доходить до слушателя. Ровно в час ночи её разбудили знакомые звуки. На этот раз Михаил пел исключительно чисто и очень громко. Что тут можно сделать? Без всякой надежды мама подошла к окну, открыла ставни и негромко спросила:

— Мишка, у тебя есть совесть?

Как ни странно, этого оказалось достаточно. До самого утра гробовым молчанием Михаил Иванов доказывал, что совесть у него есть, и не обычная, а настоящая собачья.

Отец, старавшийся во всём увидеть объективные причины, сказал:

— Да он просто узнал твой голос, вспомнил паровые котлеты и до утра ждал, что ты его ещё раз угостишь за незаурядные вокальные данные.

Может быть, отец и был прав, но до конца дачного сезона мы ночного пения Михаила так и не услышали. Собаки всё понимают, надо только поговорить с ними по душам.

Новые Витражи: Международный литературный журнал. — М., 2018. — № 5 (11). — С.172—176.